

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ НАУКИ МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА.

Графа Л. Камаровскаго.

Профессора ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета.



Москва. 1895.

Типографія Общества распространения полезныхъ книгъ.
Моховая, домъ князя Гагарина.



Извлечено изъ VIII выпуска „Ученыхъ Записокъ“ Императорскаго Московскаго
Университета по юридическому отдѣлу.

Основные вопросы науки Международного Права.

I.

Определение Международного Права.

Подъ международнымъ правомъ слѣдуетъ разумѣть совокупность нормъ, обязательныхъ для государствъ и для ихъ подданныхъ, въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу и вообще къ остальнымъ людямъ, въ качествѣ пока членовъ Международнаго Союза, но, говоря шире, всего человѣчества.

Разберемъ нѣсколько это опредѣленіе.

Международное право слагается изъ нормъ *обязательныхъ*. Это значитъ, что нормы его, по существу своему, не суть принципы только нравственные или правила политики, а суть именно *нормы юридическія*, т. е. охраняемыя правомъ, въ крайнихъ случаяхъ, даже *принудительно*. Принадлежность ихъ къ *праву* обуславливается ихъ природою и назначеніемъ: право вообще предметомъ своимъ имѣетъ охрану совмѣстнаго сожитія людей въ обществѣ. Различнымъ областямъ этого сожитія соотвѣтствуютъ и различныя области права; спеціально же международное право изучаетъ высшую и завершительную форму сожитія людей на землѣ—въ тѣхъ союзахъ, которые называются государствами. Вотъ почему оно относится къ сферѣ *публичнаго* права, имѣющаго своимъ исходнымъ пунктомъ и центромъ государство, но составляетъ обширную его и *самостоятельную* часть, въ противоположность праву государственному. Эта принципиальная самостоятельность международного права вытекаетъ изъ того, что оно изучаетъ государства не въ ихъ *отдельности* и взаимной изолированности, а, такъ-сказать, въ ихъ *совокупности*: оно смотритъ на нихъ, въ свою очередь, какъ на членовъ новаго, высшаго цѣлаго, называемаго обществомъ народовъ, международ-

нымъ союзомъ, семьей народовъ и т. д. Союзъ этотъ, какъ извѣстно, сталъ слагаться въ XVII столѣтіи и съ тѣхъ поръ не переставалъ расширяться, но въ сущности онъ призванъ обнять собою все человѣчество.

Международныя нормы далѣе регулируютъ жизнь государствъ въ ихъ *взаимныхъ сношеніяхъ*. Другими словами. онѣ не касаются *внутренней* жизни и самостоятельности государствъ: какъ бы послѣднія ни были различны по своему строю и положенію, они, въ международной области, должны пользоваться равными правами и нести одинаковыя обязанности. Ихъ политическое неравенство можетъ проявляться по отношенію къ ихъ дѣеспособности, но это не должно вліять на ихъ правоспособность и еще менѣе не обуславливать ее. Государства, существующія и какъ они вышли изъ судебъ прошлаго, соединяются международнымъ правомъ въ одно цѣлое на общихъ и одинаковыхъ для всѣхъ основаніяхъ.

Но оно простирается не только на государства, а и на ихъ *подданныхъ*. Мало того, *отдѣльныя лица*, какъ таковыя, должны пользоваться въ предѣлахъ международнаго союза, а, говоря шире и вѣрнѣе, на *поверхности всей земли*, охраною ихъ личныхъ и имущественныхъ правъ. Международная защита, конечно, не замѣняетъ государственной; она ее предполагаетъ и стремится дать ей по возможности вездѣ примѣненіе и дѣйствіе, а, въ случаѣ нужды, заступаетъ ея мѣсто или примиряетъ коллизіи, возникающія, по поводу лицъ, между различными территоріальными властями. Эта сторона нашего предмета вытекаетъ изъ самой его природы и наиболѣе придаетъ ему характеръ универсальный и обще-человѣческій. Международная охрана лицъ, въ принципѣ, должна бы исходить собственно отъ международной организаціи, но, за отсутствіемъ пока таковой, ее призваны оказывать отдѣльныя цивилизованныя государства и притомъ не только обоюднымъ подданнымъ, но и каждому человѣку вообще, гдѣ бы таковой ни находился и въ случаѣ недарованія ему защиты государственной.

Въ современномъ международномъ правѣ все яснѣе обрисовываются *три* большія области, которыя стремятся выдѣлиться въ особыя науки, но крайней мѣрѣ двѣ изъ нихъ уже обособились. Мы имѣемъ въ виду:

1) *Интересы государствъ въ цѣломъ*. Для охраны ихъ уже создалась система опредѣленныхъ отношеній; это такъ-называемое *публичное международное право*. Сюда относятся ученія: о государствахъ вообще какъ международныхъ личностяхъ, объ ихъ возникновеніи, правахъ и прекращеніи, объ ихъ территоріяхъ, объ юридическихъ между ними

сношеніяхъ (о трактатахъ), наконецъ о столкновеніяхъ между ними и о различныхъ способахъ ихъ примиренія.

2) *Интересы частныхъ лицъ*. Въ наше время, вслѣдствіе все расширяющагося гражданскаго оборота, частныя лица не могутъ часто довольствоваться одной только государственной охраной, даваемой имъ на территоріи ихъ отечества; они также вступаютъ въ болѣе или менѣе живыя сношенія съ такими же лицами другихъ народовъ. Для государствъ отсюда является необходимость давать защиту своимъ гражданамъ внѣ своей территоріи и, съ другой стороны, признавать на своей территоріи дѣйствіе за иностранными законами и юридическую личность за иностранцами.

Относящіяся сюда нормы считаютъ доселѣ многіе (особенно въ Англіи) отраслью гражданскаго или уголовнаго права отдѣльныхъ государствъ, но, по важности и своеобразности ихъ, гораздо вѣрнѣе выдѣлять ихъ въ особую науку частнаго *международнаго права* и отличать ее отъ права публичнаго. Существованіе ея служитъ новымъ подтвержденіемъ все усиливающейся солидарности и общности между народами.

3) Къ этимъ двумъ областямъ, болѣе или менѣе уже выработаннымъ и имѣющимъ богатую литературу, стала присоединяться, за послѣднее время, третья, какъ бы посредствующая между ними область. Въ ней имѣется въ виду охрана *соціальныхъ*, общественныхъ интересовъ, т. е. такихъ, которые въ значительной степени касаются частныхъ лицъ, но и интересовъ общества въ цѣломъ, при этомъ общества не съ его политической стороны. Государства, донинѣ глубоко между собою раздѣленные по политическимъ вопросамъ, стали теперь, путемъ общихъ конвенцій, заключать союзы по извѣстнымъ спеціальнымъ вопросамъ, важнымъ для общаго гражданскаго оборота, но не имѣющимъ ничего общаго съ политикою. Такимъ образомъ мы присутствуемъ при зарожденіи совершенно новой юридической системы. Въ настоящее время уже возникли союзы или уніи, телеграфный, почтовый, промышленный, литературный, и желѣзно-дорожный (по перевозкѣ товаровъ). Нѣкоторые изъ нихъ простираются не только на большинство европейскихъ государствъ, но и на нѣкоторыя страны другихъ континентовъ. По всему вѣроятію, число этихъ союзовъ будетъ быстро умножаться и всю область относящихся сюда юридическихъ нормъ удобнѣе всего называть *соціальнымъ международнымъ правомъ*, становящимся въ срединѣ между публичнымъ и частнымъ международнымъ правомъ.

Изъ даннаго нами выше опредѣленія легко замѣтить, что международное право чуждо, въ принципѣ, *національнаго* характера; равно

нельзя говорить о международномъ правѣ, будто бы отличномъ по *различнымъ эпохамъ* исторіи человѣчества. Оно, съ момента своего возникновенія до нашихъ дней, *едино* и *универсально*, какъ *право положительное*, хотя на практикѣ то или иное правительство можетъ, пожалуй, уклониться отъ его нормъ и позволить себѣ какія-либо неправильныя воззрѣнія или дѣйствія, но это уже не будетъ международнымъ правомъ.

Оно во-первыхъ, сказали мы, не можетъ носить національный характеръ. Отдѣльныя государства, хотя и являются выразителями и носителями международныхъ нормъ, но никогда въ своей обособленности или отдѣльности; нормы, выставленныя какимъ-либо однимъ государствомъ, превращаются въ международныя лишь на основаніи согласія всѣхъ остальныхъ народовъ (*consensu gentium*), выраженного либо молчаливо (обычай), либо формально (договоры). Поэтому толки о „нѣмецкомъ“ и „русскомъ“ международномъ правѣ суть ничто иное, какъ вопіющіе *contradictio in adjecto*.

Столь же неосновательно предположеніе, будто различныя историческія эпохи могли создать и различныя системы международного права. Въ эту ошибку особенно склонны впадать писатели историческаго права¹⁾, смѣшивая внѣшнія сношенія государствъ съ международнымъ правомъ, взятомъ въ смыслѣ научной, юридической системы. Исторія показываетъ намъ, что сношенія между государствами существовали съ древнѣйшихъ временъ и на всѣхъ степеняхъ культуры, ибо даже дикіе народы не могутъ вести совершенно обособленную и замкнутую жизнь. Но это не международное право; его, въ современномъ смыслѣ, не знали ни древность, ни средніе вѣка. Тѣмъ не менѣе существованіе указанныхъ сношеній для насъ важно, ибо они подтверждаютъ внутреннюю, разумную необходимость международного права, вытекающую изъ общежительной природы самого человѣка. Сношенія эти были случайныя, временныя и не покоились на какихъ-либо опредѣленныхъ юридическихъ началахъ. Все зависѣло тутъ отъ политики отдѣльныхъ государствъ и, не сознавая между собою никакихъ общихъ идей и интересовъ, они и не могли подчинить свою коллективную жизнь опредѣленной высшей организаціи. Безъ этихъ же усло-

¹⁾ Напр. Гефтеръ, Кальво и др. Еще Монтескье говоритъ (въ „Духѣ законовъ“, кн. I, гл. 3): „всѣ народы имѣютъ свое международное право и даже проклятыя, поѣдающіе своихъ плѣнныхъ, имѣютъ его. Они посылаютъ и принимаютъ посланниковъ, имѣютъ кой-какія понятія о войнѣ и мирѣ. Несчастье только въ томъ, что право это не покоится на истинныхъ принципахъ“. По мнѣнію Гефтера, одно международное право существуетъ въ христіанской Европѣ, другое — у дикихъ племенъ, третье — у мусульманъ и т. д.

вій и рѣчи быть не можетъ о международномъ союзѣ или о международномъ правѣ.

II.

Условія существованія международного права.

Для существованія международного права необходимы нѣкоторыя *предварительныя условія*, какъ свидѣтельствуешь объ этомъ исторія: во 1-хъ—наличность *многихъ* государствъ; во 2-хъ—государствъ, другъ отъ друга *независимыхъ*, но, въ 3-хъ—болѣе или менѣе связанныхъ между собою *общностью культуры*.

1) На первый поверхностный взглядъ на жизнь государствъ можетъ представиться, будто въ ихъ природѣ лежитъ требованіе непрерывнаго и безграничнаго роста и расширенія. Такъ политическіе и военные геніи во всѣ времена стремились къ расширенію границъ своего отечества и въ этомъ полагали едва ли не высшую для себя и для страны своей славу. Поэтому не удивительно, что могла возникнуть и принимать различные образы идея *всемирнаго государства*, какъ наиболее подходящаго для водворенія на землѣ общаго порядка и мира и для споспѣшествованія успѣхамъ культуры.

Но эта идея, въ принципѣ подрывающая международное право, должна быть отвергнута сама по себѣ, какъ радикально-ложная и стоящая въ противурѣчій съ природою и назначеніемъ самого государства. Она могла еще имѣть мѣсто въ тѣ періоды исторіи, когда на государства смотрѣли, какъ на *механическія сплоченія* отдѣльныхъ единицъ, какъ на продукты одной *силы*, которая внѣшнимъ давленіемъ и искусственно возлагала одно ярмо на племена, самыя между собою разъединенныя и враждебныя. Но подобная политика не совмѣстима съ идеею современнаго государства, понимаемаго въ смыслѣ *организма и живой личности*, обитающаго въ немъ и чрезъ него дѣйствующаго *народа*.

Строго говоря, всемирное государство, или такое, которое простерло бы свою власть на всю нашу планету, никогда не существовало и оно просто, даже по идеѣ, невозможно. Приходится поэтому говорить о государствахъ, которые покорили или стремятся покорить своей власти цѣлый материкъ или даже значительныя части многихъ материковъ. Такія государства, въ отличіе отъ національныхъ, покоющихся на какой-либо одной національности, могли бы быть все-таки названы универсальными. Исторія представляетъ намъ троякаго рода стремленія ихъ къ всеобщей диктатурѣ, смотря по принципамъ, во имя кото-

рых дѣлались эти попытки: стремленія *религіозныя* или теократическія, *политическія* и *экономическія*, или ограниченные только областью хозяйственныхъ интересовъ.

а) Установить всемірное владычество на почвѣ религіи пытались, какъ извѣстно, *папы* въ средніе вѣка. Но теократія, о которой они мечтали, разбилась на практикѣ о противодѣйствіе свѣтской власти, сперва императоровъ, потомъ королей. Затѣмъ внутри самой католической церкви произошелъ великій расколъ протестантизма и отпаденіе отъ нея едва ли не половины западной Европы.

Дуализма между духовной и свѣтской властью не знала другая религія, также выступившая въ средніе вѣка съ претензіями на универсальное владычество: мы говоримъ объ *исламѣ*. Верховные владыки его (сперва калифы, потомъ султаны) тоже лелѣяли мечту о покореніи себѣ вселенной, но имъ удалось это гораздо менѣе еще, чѣмъ папамъ, при несравненно большей бѣдности содержанія магометанства, сравнительно съ христіанствомъ, и при грубомъ обращеніи ихъ къ мечу, какъ главному орудію властвованія надъ людьми.

Указанныя теократическія попытки были несостоятельны въ принципѣ, потому что они вели къ смѣшенію религіи съ политикой, къ сліянію церкви съ государствомъ и обозначали отрицаніе права свободы человѣческой совѣсти. Католичество, вслѣдствіе своихъ свѣтскихъ политическихъ тенденцій, исказило высокій идеалъ христіанства и наложило тяжелую мертвящую свою руку на свободу и развитіе какъ отдѣльной человѣческой личности, такъ и цѣлыхъ народовъ.

Гораздо разнообразнѣе и многочисленнѣе:

б) Попытки *политическія*, которыя предпринимались, начиная съ глубокой древности до нашихъ дней, наиболѣе могущественными *монархами*. Уже персидская монархія, въ древности представляющая намъ первый образецъ нѣкоторой прочной и стройной организаціи внутри себя, задавалась мыслью о порабоженіи извѣстнаго тогда міра. Впрочемъ и ранѣе цѣль эту преслѣдовали жестокіе ассирійскіе завоеватели и могущественнѣйшіе изъ фараоновъ. Блестящій геній Александра Великаго, покоривъ Азію, основалъ, повидимому, всемірную монархію, но она не пережила своего основателя. Римляне повелѣвали всѣми окружающими ихъ народами, вступившими тогда на путь цивилизаціи. Ихъ универсальная имперія остается до нынѣ самой примѣчательною и прочною попыткою такого соединенія многихъ разнообразнѣйшихъ государствъ подъ властью единого верховнаго скипетра, но эта именно попытка всего ярче и рельефнѣе свидѣтельствуетъ о несостоятельности такого міродержавнаго государства. Оно могло возникнуть и держаться только

среди народовъ, политически уже отживавшихъ и мертвѣвшихъ и поэтому утратившихъ даже самое понятіе о политической свободѣ своихъ гражданъ.

На рубежѣ среднихъ вѣковъ воскресить идею о всемірной римской имперіи, но уже на почвѣ христіанства, хотѣлъ Карлъ Великій, этотъ величайшій прототипъ позднѣйшихъ германскихъ императоровъ. Последніе долго считали себя владыками Европы, но истратили лучшія свои силы на борьбу съ соперниками, которые, хотя другими путями, но стремились къ той же цѣли — на борьбу съ папами. Съ тѣхъ поръ исторія новѣйшей Европы представляетъ намъ поочередно монарховъ, выдвигавшихся изъ среды передовыхъ и наиболее могущественныхъ народовъ и которые, явно или тайно, преслѣдовали эту цѣль о наложении политическихъ цѣпей на весь нашъ континентъ. Вспомнимъ Карла V и Филиппа II испанскихъ, Фердинанда II австрійскаго, Людовика XIV и Наполеона I. Такую же цѣль приписываютъ на западѣ Европы и нашимъ монархамъ, особенно любя при этомъ указывать на Петра I, Екатерину II и Николая I.

Если теперь взглянуть на всѣ эти попытки съ внутренней стороны, не трудно подмѣтить въ нихъ два преобладающихъ принципа: либо завоеватели, какъ Александръ Великій, помышляли о *слянн* и *смыщенн* поработенныхъ ими народовъ, либо они хотѣли, какъ римляне и Наполеонъ I, основать свое господство на *преобладанн* собственного народа-завоевателя. Исторія равно осудила ту и другую тенденцію, вскрывъ ихъ внутреннюю несостоятельность: изъ сліянія разнообразныхъ и противоположныхъ національных и политическихъ началъ не могло возникнуть новаго, единого и жизнеспособнаго государства, — для роли же, преобладающей надъ всѣми прочими государствами, доселѣ не оказалось ни одного народа, достаточно для этого и одареннаго и сильного.

Уроки, преподаваемые въ этомъ смыслѣ исторіею, подтверждаются и теоріею. Не трудно понять, что государство міровое не мыслимо иначе, какъ подъ условіемъ страшнаго развитія военнаго могущества и политической централизаціи. Созданное силою и насиліями, оно ими только и можетъ поддерживаться. Но, противное самой природѣ государства, оно никогда не будетъ ни прочнымъ, ни благотворнымъ. Едва исчезнутъ для него внѣшніе враги, какъ поднимутся на него враги гораздо болѣе опасные—внутренніе. Дѣло въ томъ, что чѣмъ безмѣриѣ растетъ государство, тѣмъ быстрѣе слабѣетъ связь его окраинъ съ центромъ, въ немъ усиливается деспотизмъ правительства, все притягивающаго къ себѣ, но становящагося все менѣе способнымъ хорошо управлять необъятными пространствами и понимать нужды столь разнообразныя и

сложныя, когда такъ разнохарактерно населеніе. Въ такомъ государствѣ самъ создавшій его народъ, не уподобивъ себѣ всѣ чуждые и враждебныя ему національные элементы, которые онъ поглотилъ, быстро теряетъ свою личность, а отдѣльные граждане лишаются политической свободы и по необходимости впадаютъ въ коснѣніе невѣжества и апатіи. Словомъ, они также глубоко извращаются, какъ и вся правительственная система. Исторія Рима при императорахъ достаточно подкрѣпляетъ наши мысли.

Иначе и бытъ не можетъ, ибо всемірное государство, какъ мы сказали, въ идеѣ само себя отрицаетъ и уничтожаетъ. Физическія условія нашей планеты, разнообразіе дарованій и особенностей тѣхъ человѣческихъ группъ, которыя называются національностями и народами, — все требуетъ существованія на землѣ не одного, а *многихъ* государствъ. Лишь подъ этимъ условіемъ возможно между ними соревнованіе, столь необходимое для cadaго, а, съ другой стороны, полное и всестороннее собственное ихъ развитіе и преуспѣяніе. Единство человѣческаго рода не исключаетъ, а, напротивъ, требуетъ закона разнообразія его отдѣльныхъ частей, безъ чего немыслимо развитіе его, какъ цѣлаго, подобно развитію вообще вселенной ¹⁾. Вотъ почему отдѣльныя страны земли по своимъ физическимъ условіямъ отдѣлены другъ отъ друга горными хребтами и морями и одарены неодинаковымъ климатомъ и производительной силою. Столь же расходятся между собою и обитающія ихъ племена: какъ ихъ потребности, такъ и ихъ воззрѣнія и способности часто мало схожи между собою, и какъ же, при этихъ условіяхъ, могутъ они ужиться въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ общественнаго быта? Развѣ это не обозначало бы искалѣченія жизни однихъ въ угоду другимъ?

с) Послѣднюю попытку къ объединенію цѣлаго материка подъ эгидою одного опредѣленнаго правительства, но на этотъ разъ на почвѣ лишь *экономическихъ* интересовъ, мы видимъ со стороны С. Штатовъ, когда они созвали въ 1889—90 г. въ Вашингтонѣ конгрессъ изъ делегатовъ всѣхъ (15) республикъ Америки. Ихъ одушевляла при этомъ идея привлеченія всѣхъ этихъ государствъ къ ихъ собственной экономической политикѣ съ высокимъ, почти запретительнымъ тарифомъ, посредствомъ заключенія съ ними обширнаго *таможеннаго союза* и закрытія всѣхъ американскихъ рынковъ для товаровъ Европы. Америка для американцевъ, — въ точномъ, абсолютномъ смыслѣ слова, — такой девизъ этихъ націоналистовъ Новаго Свѣта, не знающихъ никакихъ

¹⁾ Не безъ основанія еще Гумбольдтъ видѣлъ въ „единствѣ въ разнообразіи явленій“ одинъ изъ законовъ міровданія.

успуокъ и сдѣлокъ. Конгрессъ не удался, но это не значитъ, чтобы дѣло, которому онъ хотѣлъ послужить, не могло быть осуществлено въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Многія стороны его программы не могутъ не быть симпатичными и для европейца: особенно то, что касается до объединенія или большаго сближенія гражданскихъ, торговыхъ и уголовныхъ законовъ Америки, а равно до расширенія сношеній между ея отдѣльными странами. Вашингтонскій кабинетъ замыслилъ громадное, но мирное завоеваніе. Съ укрѣпленіемъ общаго права, онъ хотѣлъ утвердить въ Новомъ Свѣтѣ и на болѣе разумныхъ основаніяхъ самый миръ, сдѣлавъ войну почти излишнею между американскими республиками.

Что сказать о принципѣ такого рода попытки? Мы не раздѣляемъ воззрѣнія, будто таможенный союзъ ведетъ неизбежно его членовъ къ политическому объединенію, а подъ конецъ даже къ порабощенію. Такъ случилось съ германскими государствами, которыя черезъ таможенный союзъ, перешли къ гегемоніи Пруссіи. Но они ранѣе и независимо отъ этого были соединены между собою національными узами, прошлыми историческими судьбами и общими стремленіями германскаго народа къ большому политическому единству и могуществу. Ничего подобнаго не представляютъ юныя республики Америки: онѣ занимаютъ цѣлый материкъ, живутъ въ столь разнообразныхъ условіяхъ природныхъ, экономическихъ и иныхъ, что имъ нечего стремиться къ политическому объединенію, которое лишило бы ихъ только самостоятельной національной жизни. Поэтому въ идеѣ ничего нельзя возразить противъ введенія въ Америкѣ предположеннаго таможеннаго союза, но съ двумя существенными, однако, оговорками: чтобы, во 1-хъ, онъ не подрывалъ политической самостоятельности его членовъ, всегда вольныхъ къ нему приступить или изъ него выйти, и, во 2-хъ, чтобы онъ не закрывалъ по правилу американскихъ рынковъ для европейскихъ товаровъ. Такое обособленіе, хотя бы цѣлаго материка отъ другаго, должно быть признано тяжкимъ нарушеніемъ международнаго права.

Для существованія международнаго права недостаточно, чтобы были на лицо *многія* государства; требуется еще:

2. Чтобы они были *независимы*. Это условіе также весьма важное.

Въ жизни мы видимъ и между государствами, какъ и между индивидами, различныя формы и степени зависимости, но при этомъ должно помнить, что такія явленія не въ состояніи подорвать общаго и высшаго правила международнаго порядка, что члены его должны быть *независимы* и *суверенны*, и во 2-хъ, подобныя явленія, вытекающія изъ политическихъ и историческихъ особенностей государствъ съ умаленною, такъ-

сказать, правоспособностью, не лишаютъ ихъ однако международной охраны и значенія, сообразно съ ихъ дѣйствительнымъ положеніемъ въ средѣ другихъ народовъ. Большею частью это—положенія переходныя, временныя, либо къ полному сліянію, либо къ совершенному отдѣленію странъ, зависимыхъ отъ ихъ верховныхъ правительствъ.

Такъ должно смотрѣть напр. на *колоніи*: хотя бы онѣ пользовались самой широкой автономіею, онѣ не суть международныя лица.

Собственно государства *зависимыя* (прежде неудачно называвшіяся *полу-независимыми*) представляются либо *вассальными*, когда верховныя права ихъ *сюзерена*, или посторонняго правительства, отъ котораго они зависятъ, простираются какъ на ихъ внѣшнюю, такъ и *внутреннюю* жизнь. либо только *охраняемыми*, когда охраняющая ихъ держава (*протекторъ*) можетъ распоряжаться, въ извѣстномъ направленіи, лишь ихъ *внѣшней* жизнью. Это и есть собственно протекторатъ.

Указанныя формы соединенія устанавливаются между политическими тѣлами, неравными по своему могуществу и неодинаковыми въ національномъ и политическомъ отношеніяхъ: при наличности же послѣднихъ условій возникаютъ такъ-называемыя государства *сложныя*. И тутъ мы видимъ двѣ формы, смотря по тому, ограничивается ли соединеніе лишь внѣшней жизнью (*союзъ государствъ*, конфедерація), или же захватываетъ также и жизнь внутреннюю соединившихся частей (*союзное государство*, федерація). Со всѣми этими явленіями считается, какъ сказано, международное право, но само по себѣ оно покоится на коренномъ принципѣ *полной независимости* народовъ, требуя ея въ равной степени въ двухъ областяхъ: политической и экономической. Фактически, болѣе слабыя тѣла будутъ, конечно, всегда и въ политикѣ тяготѣть къ сильнѣйшимъ и какъ бы около нихъ вращаться, но это никогда не должно вести ихъ къ обезличенію или даже къ потерѣ ими самостоятельности.

Наконецъ:

3. Исторія показываетъ намъ, что международное право становится положительнымъ, дѣйствующимъ лишь между народами, стоящими приблизительно на *одинаковомъ уровнѣ культуры*. Это условіе станетъ понятнымъ, если сообразить, что право вообще, будучи частью нравственнаго порядка, можетъ охранять своими нормами жизнь народовъ лишь въ тѣхъ случаяхъ и въ той степени, въ какой они связаны *общностью своихъ идей и интересовъ*; это же—дѣло самой жизни и не можетъ быть привито людямъ искусственно. Соотвѣтствуя именно этому условію, международное право является для новыхъ народовъ Европы и Америки живымъ и положительнымъ. Это переводитъ насъ къ вопросу объ его объективныхъ основаніяхъ,—предмету слѣдующей главы.

III.

Объективныя основанія Международнаго права.

Мы разумѣемъ подъ *объективными* или, менѣе вѣрно, *фактическими* основаніями международнаго права такія условія его существованія, которыя не зависятъ отъ чьей-либо *воли*,—будь то отдѣльные люди или даже могущественнѣйшія государства,—но которыя самымъ *продѣломъ* заложены въ *природѣ* и въ *исторіи* новыхъ народовъ, среди которыхъ зародилось и крѣпнетъ международное право.

Основаній этихъ четыре: 1) физическія особенности Европы; 2) племенное родство европейскихъ народовъ; 3) ихъ родство духовное, и 4) параллельность всего ихъ историческаго роста и развитія.

На каждомъ изъ этихъ пунктовъ мы должны остановиться особенно

1.

Существуетъ мнѣніе, будто Европа, по своему физическому строю, не составляетъ особаго, самостоятельнаго материка: она есть, какъ бы продолженіе Азіи, придатокъ къ ней, не будучи даже отдѣленною естественными границами. Такими едва ли можно считать Уралъ, вездѣ представляющій много удобныхъ переходовъ изъ одного материка въ другой.

Съ этимъ мнѣніемъ никакъ нельзя согласиться. Дѣйствительно, Европа не отдѣляется природою рѣзко отъ Азіи, но *всѣ физическія условія* устройства ея придаютъ ей вполнѣ характеръ самостоятельнаго континента и притомъ такого, на которомъ человѣкъ могъ всего удобнѣе достигнуть своего высшаго развитія и отсюда распространить свою власть надъ землею. Природа предъказала въ Европѣ арену для общечеловѣческой, универсальной культуры, сдѣлавъ ее царствомъ человѣка по-преимуществу.

Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія особенно двѣ ея черты:

Во 1-хъ) весьма выгодныя *очертанія ея поверхности*, какъ-то: расчлененіе ея береговъ, очень развитая, со стороны моря, береговая линія и множество острововъ; не менѣе удобное расположеніе горныхъ цѣпей и судоходныхъ рѣкъ, не препятствующихъ, какъ на другихъ материкахъ, сношеніямъ между людьми, но, напротивъ, имъ благопріятствующихъ; сюда же должно отнести близость ея къ остальнымъ двумъ частямъ Стараго Свѣта, откуда распространилась древнѣйшая цивилизація.

Во 2-хъ) положеніе Европы въ *умѣренномъ климатѣ* и стоящія съ этимъ въ связи условія ея *почвы* выдвигаютъ ее еще болѣе впередъ въ ряду другихъ материковъ. Эти условія побуждаютъ человѣка къ труду, постоянному и непрерывному, но вознаграждающему его усилія. Европѣ чуждъ климатъ тропическихъ странъ, гдѣ зной подавляетъ всякую энергію человѣка, а роскошная природа располагаетъ его къ лѣни и изнѣженности; но, съ другой стороны, Европа не страдаетъ и отъ противоположной крайности странъ полярныхъ, въ которыхъ стужа все сковываетъ и леденитъ. Ничего подобнаго не знаетъ наша часть свѣта: климатъ ея, умѣренно холодный, не усыпляетъ человѣка, а вызываетъ на всякаго рода дѣятельность потому, между прочимъ, что почва ея не настолько благодатна, чтобы легко прокармливать человѣка, но требуетъ отъ него постоянного напряженія его энергіи и силъ. За то она и вознаграждаетъ, какъ должно, эти усилія и питаетъ несравненно большее число людей, чѣмъ могла бы питать при иныхъ, менѣе выгодныхъ природныхъ условіяхъ и при меньшемъ напряженіи человѣческаго труда.

Послѣ Европы много естественныхъ выгодъ представляетъ также Америка, но она была открыта лишь очень поздно и цивилизація занесена къ ней изъ Европы, гдѣ она уже успѣла достигнуть высокаго уровня развитія.

2.

Не менѣе важно и другое объективное основаніе международнаго права—*племенное родство* европейскихъ народовъ. Европа населяется народами романскими, германскими и славянскими, которые всѣ принадлежатъ къ бѣлой расѣ и именно къ наиболѣе прогрессивной и способной къ развитію ея части—къ арійцамъ. Они вышли изъ общей родины въ Азіи¹⁾ и произошли отъ однихъ родоначальниковъ. На эту общность ихъ происхожденія и на ихъ первоначальное фізіологическое родство (родство по крови) указываютъ сродство ихъ языковъ и ихъ психическія особенности, поскольку они выражаются въ ихъ воззрѣніяхъ на человѣка и на окружающую ихъ природу²⁾. Само собою

1) Спорятъ о *мѣстѣ* нахожденія этой ихъ общей колыбели, но для насъ важенъ самый фактъ ея *общности*.

2) Послѣ арійцевъ въ исторіи человѣчества видное мѣсто занимаютъ еще *семиты*, на долю которыхъ выпала оригинальная и плодотворная дѣятельность въ области религіи. У нихъ возникли три системы единобожія: еврейство, христіанство и магометанство. Можно указать еще на представителей монгольской расы, китайцевъ и японцевъ, достигнувшихъ издавна извѣстной оригинальной цивилизаціи; но отъ нея

разумѣется, указанные факты не уничтожаютъ извѣстныхъ особенностей между отдѣльными племенами, и эти различія только усиливаются по мѣрѣ ихъ обособленія другъ отъ друга и въ силу ихъ историческаго развитія, но сами по себѣ эти различныя особенности представляются, для болѣе глубокаго взора, лишь оттѣнками на томъ великомъ общемъ фонѣ, который соединяетъ всѣ христіанскіе народы въ одно цѣлое. Вотъ почему можно сказать, что они всѣ между собою братья по крови и по духу. такъ что всякая война между ними есть междуусобіе.

Эту истину особенно важно подчеркивать въ наше время, когда такъ нерѣдки искаженія принципа національности. Многіе писатели, какъ бы съ намѣреніемъ выдвигаютъ на первый планъ тѣ глубокія и коренныя различія, которыя, по ихъ мнѣнію, будто бы существуютъ между народами Европы. Англійскіе націоналисты любятъ противополать свой островъ остальному „материку“ Европы: у насъ вездѣ хотятъ видѣть различія между славянскимъ міромъ и романо-германскимъ; съ 1870 г. глубокая пропасть ненависти легла между Франціею и Германіею: наконецъ стали выдѣлять и противопоставлять „американизмъ“ — „европеизму“.

Сколько бы ни существовало розни и вражды между арійскими племенами, не должно забывать, повторяемъ, что они родственники, и это очень важно при опредѣленіи общаго характера международнаго права.

Народы Европы — романцы, германцы и славяне — отличаются слѣдующими важными чертами, имъ всѣмъ болѣе или менѣе общими.

а) Сознаніемъ человѣческой личности и ея прирожденнаго достоинства. Эта черта вызываетъ въ нихъ любовь къ свободѣ, ради охраны которой, между прочимъ, они создали право, какъ ея оплотъ и про-

давно уже отлетѣлъ духъ жизни и она, стоя въ исторіи человѣчества особнякомъ, не можетъ идти въ сравненіе съ богатымъ развитіемъ арійцевъ. Что же касается до черной расы (негровъ, обитателей Африки), малайской и красной, американской, то племена ихъ едва возвысились надъ грубыми формами чисто животной жизни и всегда отличались коснѣніемъ въ невѣжествѣ и дикости.

Словомъ, вся высшая человѣческая культура есть продуктъ тысячелѣтнихъ усилій арійцевъ. Достойно вниманія, что еще въ древности и въ первоначальной своей родинѣ — въ Азій — племена ихъ положили первыя начала государственной организаціи и философскаго мышленія (индусы, иранцы). Перейдя затѣмъ въ Европу, они еще до христіанства явились самостоятельными творцами науки о государствѣ и о правѣ (греки, римляне) и знали на практикѣ первыя стройно организованныя и, до извѣстной степени, свободныя государства, но, лишь, занявъ весь наиболѣе удобный и для нихъ какъ бы предназначенный материкъ, и благодаря воздѣйствію на нихъ христіанства и другихъ условій культуры, они возмogli стать въ челѣ всего человѣчества.